

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-485-504

EDN: WSYKTH

Научная статья / Research article

Ответные ограничительные меры Китая в условиях санкционного противостояния

Д.Ю. Карасев

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 dk89@mail.ru

Аннотация. В последние годы происходит оформление санкционного режима Китая, которое выражается, во-первых, в росте интенсивности и многообразия ограничительных мер, используемых Китаем в ответ на односторонние санкции оппонентов начиная с 2010-х гг. Наглядной становится дифференциация инструментов контрсанкций Китайской Народной Республики (КНР) в зависимости от мотивации Пекина и их объекта. Растет список триггеров, провоцирующих КНР на контрмеры, умножаются преследуемые с помощью них цели. Во-вторых, с 2018 г. у КНР появились нормативно-правовые механизмы введения контрсанкций и противодействия иностранным санкциям. Цель исследования — на основе собранной базы данных «Односторонние санкции Китая, 1956–2023» проследить эволюцию контрсанкций Китая и предложить теоретические обобщения о них, количественно подтверждающие или опровергающие результаты предшествующих исследований. Исследование опирается как на анализ предшествующих работ о контрсанкциях КНР на английском и русском языках, научный консенсус о которых отсутствует, лишь некоторые выводы количественно обоснованы и подкреплены базами данных, так и на сбор базы данных и методы описательной статистики. Новизна исследования обусловлена тем, что в нем проводится различие между этапом активного оформления санкционного режима Китая в течение последних 10 лет и долгой предысторией, в рамках которой имели место лишь отдельные неофициальные контрмеры: бойкотирование Китаем участия в Олимпийских играх в 1950–1970-х гг.; частичный отказ КНР от импорта из тех стран, лидеры которых принимали у себя с официальным визитом Далай-ламу XIV в 2000–2010-х гг.; потребительские бойкоты товаров иностранных компаний в КНР и бюрократические блокады на таможне начиная с 2008 г. Перечисляются и описываются механизмы действия основных контрсанкционных законов КНР, принятие которых было спровоцировано торговой войной с США. В итоге стали преобладать зеркальные контрсанкции КНР, применяемые адресно против отдельных лиц и компаний и предполагающие барьеры на въезд и ведение бизнеса в КНР, ограничения инвестиций, сотрудничества, торговли, заморозку активов и т. д. Автор приходит к выводу о «разделении труда» между скрытыми санкциями, максимизирующими ущерб для стороны, на которую наложены санкции, и формализованными санкциями, максимизирующими перформативное воздействие на третью сторону. Вторые не заменяют собой первые, а дополняют их.

Ключевые слова: санкции, дипломатия принуждения, потребительский бойкот иностранных товаров, ограничения торговли, торговая война, Китай, США, база данных

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Автор признателен за комментарии к тексту статьи Е.Я. Араповой, к.э.н., директору, в.н.с. Центра экспертизы санкционной политики ИМИ МГИМО МИД России, И.Ю. Зуенко, к.и.н., с.н.с. Центра Китая, Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России. Исследование поддержано внутренним грантом ИМИ МГИМО МИД России.

© Карасев Д.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Карасев Д. Ю. Ответные ограничительные меры Китая в условиях санкционного противостояния // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 485–504. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-485-504>

China's Retaliatory Measures in the Context of the Sanctions Confrontation

Dmitry Yu. Karasev

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 dk89@mail.ru

Abstract. In recent years, China's sanctions regime has been taking shape, which is expressed, first, in the growing intensity and diversity of retaliatory coercive measures in response to foreign unilateral sanctions since the 2010s. The differentiation of the counter-sanction instruments of the People's Republic of China (PRC) depending on Beijing's motivation and their object is becoming clear. The list of triggers provoking the PRC to take countermeasures is growing, and the goals pursued with their help are multiplying. Second, since 2018, the PRC has had regulatory and legal mechanisms for introducing counter-sanctions and countering foreign sanctions. This study aims to trace the evolution of China's counter-sanctions based on the collected database "China's Unilateral Sanctions, 1956–2023" and offer theoretical generalizations about them that quantitatively confirm or refute the results of previous studies. The study draws on both the analysis of previous works on China's counter-sanctions in English and Russian, about which there is no scientific consensus and only some of the conclusions are quantitatively substantiated and supported by databases, and the collection of a database and descriptive statistics methods. The novelty of the study is due to the fact that it distinguishes between the stage of active formation of China's sanctions regime over the past 10 years and a long prehistory, during which only individual unofficial countermeasures took place: China's boycott of participation in the Olympic Games in the 1950s — 1970s; China's partial refusal to import from those countries whose leaders hosted the 14th Dalai Lama on an official visit in the 2000s — 2010s; consumer boycotts of foreign goods in China; and bureaucratic blockades at customs since 2008. This article lists and describes the mechanisms of action of the main counter-sanction laws of the PRC, the adoption of which was provoked by the trade war with the United States. As a result, mirror counter-sanctions of the PRC have become prevalent, applied specifically against individuals and companies and implying barriers to entry and doing business in the PRC, restrictions on investment, cooperation, trade, and freezing of assets. The author concludes that there is a "division of labor" between hidden sanctions, which maximize damage to the targeted party, and formalized sanctions, which maximize the performative impact on a third party. The latter does not replace the former but complements it.

Key words: sanctions, coercive diplomacy, consumer boycott of foreign goods, trade restrictions, trade war, China, USA, database

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgements. The author is grateful to E.Ya. Arapova and I.Yu. Zuenko for their helpful comments on earlier drafts. The research is funded by IIS MGIMO University grant.

For citation: Karasev, D. Yu. (2025). China's retaliatory measures in the context of the sanctions confrontation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 485–504. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-485-504>

Введение

Официальный Пекин осуждает практику односторонних санкций в терминах превознесения национального права над международным¹, однако вынужден прибегать к ответным односторонним ограничительным мерам

¹ МИД КНР осудил односторонние санкции, не одобренные ООН // Рамблер. 25.02.2025. URL: https://news.rambler.ru/world/54257244/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.04.2025).

в рамках противостояния со странами, использующими против него односторонние санкции или иные действия, грубо нарушающие ключевые национальные интересы Китая. Такие ограничительные меры, следуя номиналистской традиции, в данном исследовании будут именоваться «санкциями Китая».

В последние годы наблюдается рост количества и многообразия ограничительных мер, используемых Китаем в ответ на аналогичные меры западных стран, а также появление у него правового механизма введения

санкций, в результате чего на смену (или в дополнение к) скрытым санкциям, вводимым без использования специфических юридических процедур, приходят официальные санкции, напоминающие западные. Этот процесс ниже будем называть оформлением санкционного режима Китая (далее — СРК). Под СРК понимается весь репертуар ограничительных мер и особенности их использования, отличающие китайский подход к введению санкций от санкционного режима США или Европейского союза (ЕС).

Растет объем научной литературы, посвященной предмету исследования, однако говорить о достижении научного консенсуса пока сложно. При этом лишь немногие работы основаны на количественном подходе и подкреплены базами данных кейсов односторонних санкционных мер Китая (см., например: (Zhang, 2018) и отчеты «фабрики мысли»²). На русском языке непосредственно формированию СРК посвящено считанное количество работ (Кашин, Пятачкова, Крашенинникова, 2020; Бакулина, Кузьмина, 2021; Сафронова, 2021), поскольку исследовательский интерес в большей степени направлен на смежные проблемы внешней политики КНР (см., например: (Киреева, 2013; Виноградов, Салицкий, Семенова, 2019)).

Задачи исследования — на основе собранной базы данных «Односторонние санкции Китая, 1956–2023»³ (далее — БД)

² См.: Hanson F., Currey E., Beattie T. The Chinese Communist Party's Coercive Diplomacy // The Australian Strategic Policy Institute (ASPI). September 1, 2020. URL: <https://www.aspi.org.au/report/chinese-communist-partys-coercive-diplomacy> (accessed: 11.07.2023); Kuno A. China's Economic Sanctions: Its Features and Effectiveness // The Japan Forum on International Relations (JFIR). April 1, 2021. URL: <https://www.jfir.or.jp/en/wp-content/uploads/sites/2/2021/04/210420ka-en.pdf> (accessed: 11.07.2023); Bohman V., Pårup N. Purchasing with the Party: Chinese Consumer Boycotts of Foreign Companies, 2008–2021 // Swedish National China Center Report. 2022. No. 2. URL: <https://kinacentrum.se/wp-content/uploads/2022/07/purchasing-with-the-party-chinese-consumer-boycotts-of-foreign-companies-20082021-3.pdf> (accessed: 11.07.2023).

³ База данных «Односторонние санкции Китая, 1956–2023». Зарегистрирована в ФИПС 12.10.2023. Ссылка непосредственно на базу данных предоставляется правообладателем (Институтом международных исследований МГИМО МИД России) по запросу.

проследить эволюцию ограничительных мер Китая, описать оформляющийся СРК, а также предложить теоретические обобщения о нем, подтверждающие или опровергающие результаты предшествующих исследований.

Подходы к СРК и обзор литературы

Сложилось несколько подходов к оценке характера и особенностей СРК.

В рамках *первого подхода* формирующийся СРК рассматривается как «рудиментарный», «оборонительный», «реактивный», копирующий западные образцы (Webster, 2022). Сильной стороной такого подхода является анализ СРК только в контексте взаимодействия с санкционными режимами США и ЕС, слабой — игнорирование новизны и особенностей СРК.

Второй подход объединяет авторов, исследующих СРК сквозь призму национальных интересов КНР, расчета и сравнения потенциального ущерба от санкционных мер для страны, на которую направлены санкции, и для самой КНР, поскольку именно национальные интересы и расчет ущерба определяют инструменты, форму, интенсивность принуждения и объекты санкций внутри страны, в отношении которой вводятся ограничения (Zhang, 2018). Сильной стороной такого неореалистского подхода является то, что экономические санкции анализируются только в контексте прочих форм дипломатии принуждения, включая военное принуждение. Среди ограничений подхода видится недостаточное внимание, уделяемое гегемонистской стабильности США, а также гетерогенности национальных интересов КНР относительно санкций.

Третий подход объединяет работы, изучающие микродетерминанты санкционных мер в КНР и стране, в отношении которой вводятся меры⁴. Поскольку санкции нарушают сложившиеся до них условия междуна-

⁴ Kuno A. China's Economic Sanctions: Its Features and Effectiveness // The Japan Forum on International Relations (JFIR). April 1, 2021. URL: <https://www.jfir.or.jp/en/wp-content/uploads/sites/2/2021/04/210420ka-en.pdf> (accessed: 11.07.2023). См. также: (Lim & Ferguson, 2022).

родной торговли, а их последствия (прибыли и ущерб) по-разному распределены для акторов и групп интересов внутри КНР, разные санкции встречают поддержку и сопротивление различных групп интересов внутри Китая, что свидетельствует о различии в понимании национальных интересов страны различными группами внутри политического истеблишмента КНР. Выбор объектов контрсанкций обусловлен не только их уязвимостью, но и влиянием групп интересов в КНР (например, производители заинтересованы в бойкотировании импортных аналогов), а также способностью объекта оказать влияние на национальную политику государства, на изменение которой нацелены контрсанкции.

В рамках *четвертого подхода* (Glosny, 2012; Johnston, 2013) экономическое принуждение КНР изучается сквозь призму того, бросает ли оно вызов гегемонии США и международному порядку на основе правил.

В ряду исследований СРК выделяется корпус материалов западных «фабрик мысли». Отчет Центра новой американской безопасности (*Center for a New American Security*, CNAS)⁵ 2018 г. — одно из первых заметных исследований (не считая работ Дж. Рейлли, речь о которых пойдет ниже), в котором на конкретных кейсах проблематизированы вопросы оформления и детерминант СРК, а также предложены впоследствии сбывшиеся прогнозы о СРК и стратегия противодействия Китаю со стороны США. За первым последовал второй отчет соавторов⁶.

Авторы последующих отчетов прочих западных «фабрик мысли» отталкивались уже не от кейс-стади, а от баз данных центров, содержали описание и некоторые детерминанты эволюции СРК, а также опыт

противодействия соответствующих стран контрсанкциям КНР⁷. Так, база данных Института китаеведения Меркатора (*Mercator Institute for China Studies*, MERICS)⁸ содержит 123 случая экономического принуждения КНР за 2010–2022 гг., база Австралийского института стратегической политики (*Australian Strategic Policy Institute*, ASPI)⁹ — 152 случая принудительной дипломатии КНР в основном после 2018 г., БД Шведского национального центра китаеведения (*Swedish National China Centre*)¹⁰ — 90 случаев потребительских бойкотов иностранных товаров внутри КНР за 2008–2021 гг. Кроме того, на основе кейс-стади компаний из Восточной

⁷ См.: Hanson F., Currey E., Beattie T. The Chinese Communist Party's Coercive Diplomacy // The Australian Strategic Policy Institute (ASPI). September 1, 2020. URL: <https://www.aspi.org.au/report/chinese-communist-partys-coercive-diplomacy> (accessed: 11.07.2023); Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China's Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS). August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023); Szczepański M. China's Economic Coercion: Evolution, Characteristics and Countermeasures // European Parliamentary Research Service (EPRS). November 1, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI\(2022\)738219_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738219_EN.pdf) (accessed: 11.07.2023); Hunter F., Impiombato D., Lau Y., Zhang A., Deb U., Triggs A. Countering China's Coercive Diplomacy: Prioritising Economic Security, Sovereignty and the Rules-Based Order // The Australian Strategic Policy Institute (ASPI). February 22, 2023. URL: <https://www.aspi.org.au/report/countering-chinas-coercive-diplomacy/> (accessed: 11.07.2023).

⁸ Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China's Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS). August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023).

⁹ Hanson F., Currey E., Beattie T. The Chinese Communist Party's Coercive Diplomacy // The Australian Strategic Policy Institute (ASPI). September 1, 2020. URL: <https://www.aspi.org.au/report/chinese-communist-partys-coercive-diplomacy> (accessed: 11.07.2023).

¹⁰ Bohman V., Pårup H. Purchasing with the Party: Chinese Consumer Boycotts of Foreign Companies, 2008–2021 // Swedish National China Centre Report. 2022. No. 2. URL: <https://kinacentrum.se/wp-content/uploads/2022/07/purchasing-with-the-party-chinese-consumer-boycotts-of-foreign-companies-20082021-3.pdf> (accessed: 11.07.2023).

⁵ Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. China's Use of Coercive Economic Measures // Center for a New American Security (CNAS). June 11, 2018. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/chinas-use-of-coercive-economic-measures> (accessed: 11.07.2023).

⁶ Rosenberg E., Harrell P., Feng A. A New Arsenal for Competition. Coercive Economic Measures in the U.S. — China Relationship // Center for New American Security (CNAS). April 24, 2020. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/a-new-arsenal-for-competition> (accessed: 11.07.2023).

Азии MERICS разработал профиль риска компаний по формальным признакам и производные от этого профиля стратегии реагирования компаний на санкции со стороны КНР¹¹.

Дж. Рейлли — автор ряда работ о СРК (Reilly, 2012a; 2012b; 2012c), в 2012 г. предложивший объяснение обращения КНР к ответным санкциям (одно из первых исследований на основе национального интереса и идейного сдвига после прихода к власти Си Цзиньпина), а также сравнение санкционных режимов США и КНР. Он также описал основные санкционные инструменты КНР и объяснил, на основе чего Пекин отдает предпочтение тем или иным инструментам в каждом конкретном случае¹².

На основе статистики внешней торговли КНР А. Фукс и Н.-Х. Кланн (Fuchs & Klann, 2013) построили модель, которая позволила выявить, что неформальные санкции КНР, такие как отмены закупок, срыв заключения сделок, отмены визитов делегаций бизнесменов и политиков из КНР, в отношении стран, лидеры которых встречались с Далай-ламой XIV, приводили к закономерному снижению экспорта товаров из этих стран в Китай вследствие блокирования последним своего внутреннего рынка для этих товаров.

В своей диссертации и монографии К. Чжан (Zhang, 2018), опираясь на собственную качественно-количественную базу данных, предложила теорию баланса издержек, производную от «баланса угроз» в неореализме С. Уолта и при этом объясняющую, где и когда Китай предпочитал использовать военное либо экономическое принуждение во внешней политике.

В статье 2020 г. Д. Лим, В. Фергюсон и Р. Бишоп (Lim, Ferguson & Bishop, 2020)

¹¹ Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China's Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS). August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023).

¹² Reilly J. China's Economic Statecraft: Turning Wealth into Power // Lowy Institute for International Policy. November 27, 2013. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/175042/reilly_chinas_economic_statecraft_web.pdf (accessed: 11.07.2023).

исследовали нормативно-правовое регулирование выездного туризма в КНР, который используется Пекином в качестве санкционного инструмента. Эти же ученые (Lim & Ferguson, 2022) продолжили изучение СРК на основе проверки гипотезы о микродетерминантах неформальных санкций КНР против Республики Корея в ответ на развертывание Сеулом противоракетной системы *THAAD*. Авторы предложили типологию неформальных санкций КНР, объяснили выбор объектов санкций внутри Южной Кореи, а также конкретных санкционных мер, опираясь на базу сообщений СМИ о реакции КНР на *THAAD* и статистику торговли между КНР и Южной Кореей.

Б. Гласер¹³ изучил успешные кейсы санкций КНР и попытался выявить факторы, объясняющие их эффективность. Статья Т. Вебстера (Webster, 2022) посвящена описанию и объяснению нормативно-правового оформления СРК. Автором выявлено, какие принципы и механизмы западного санкционного законодательства (прежде всего американского) были адаптированы Китаем.

Вместе с тем внушительное количество исследований посвящены не СРК в целом, а пристальному изучению отдельных его аспектов:

1) отдельным санкционным инструментам КНР:

- ограничению сотрудничества в сфере спорта (Ху, 2008);
- потребительским бойкотам иностранных компаний¹⁴;

¹³ Statement before the Congressional-Executive Commission on China “How China Uses Economic Coercion to Silence Critics and Achieve its Political Aims Globally:” A Testimony by: Bonnie S. Glaser, Director, Asia Program, German Marshall Fund of the United States // German Marshall Fund of the United States. December 7, 2021. URL: <https://www.gmfus.org/sites/default/files/2021-12/CECC%20Economic%20coercion%20testimony%2C%209-7-21.pdf> (accessed: 11.07.2023).

¹⁴ Bohman V., Pårup H. Purchasing with the Party: Chinese Consumer Boycotts of Foreign Companies, 2008–2021 // Swedish National China Center Report. 2022. No. 2. URL: <https://kinacentrum.se/wp-content/uploads/2022/07/purchasing-with-the-party-chinese-consumer->

– ограничениям выездного китайского туризма (Lim, Ferguson & Bishop, 2020);

2) санкциям КНР, вызванным отдельными триггерами, такими как:

– тибетский вопрос (Fuchs & Klann, 2013);

– тайваньский вопрос¹⁵;

– протесты в Гонконге¹⁶;

3) санкциям КНР против отдельных стран:

– Австралии (Reilly, 2012b; Laurenceson, Zhou & Pantle, 2020);

– Японии (Reilly, 2012c; Weiss, 2014);

– Республики Корея (Lim & Ferguson, 2022);

– США¹⁷.

Предыстория оформления СРК и скрытые санкции

Нормативно-правовое оформление СРК началось в 2018–2019 гг. на фоне торговой войны с США (Webster, 2022; Виноградов, Трощинский, 2022). До этого имели место скрытые санкции КНР, вводимые в ответ на

boycotts-of-foreign-companies-20082021-3.pdf (accessed: 11.07.2023). См. также: (Schär, 2020).

¹⁵ Tanner M. S. Chinese Economic Coercion Against Taiwan: A Tricky Weapon to Use // RAND Corporation*. 2007. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2007/RAND_MG507.pdf (accessed: 11.07.2023). См. также: (Lai, 2022).

* Деятельность международной неправительственной организации *RAND Corporation* признана нежелательной на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

¹⁶ Priyandita G. Chinese Economic Coercion in Southeast Asia: Balancing Carrots and Sticks // The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats Working Paper. 2023 (October). No. 25. URL: <https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2023/10/20231026-Hybrid-CoE-Working-Paper-25-Chinese-economic-coercion-WEB.pdf> (accessed: 11.07.2023).

¹⁷ См.: Rosenberg E., Harrell P., Feng A. A New Arsenal for Competition. Coercive Economic Measures in the U.S. — China Relationship // Center for New American Security (CNAS). April 24, 2020. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/a-new-arsenal-for-competition> (accessed: 11.07.2023); Bown Ch. P., Kolb M. Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide // Peterson Institute for International Economics. January 20, 2025. URL: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/trumps-trade-war-timeline-date-guide> (accessed: 11.07.2025).

действия оппонентов без использования специфических юридических процедур (Бакулина, Кузьмина, 2021). КНР стала объектом санкций США с момента своего провозглашения в связи с проблемой «двух Китаев». В ответ на действия Белого дома в 1950–1970-х гг. КНР бойкотировала участие в Олимпийских играх, отстаивая принципы «политики одного Китая» в международных отношениях. В 1979 г. дипломатические отношения США и КНР были восстановлены.

Отношения США и КНР снова ухудшились после событий на площади Тяньаньмэнь. В 1990-е гг. КНР активно использовала военное принуждение (инциденты) в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях — по оценкам К. Чжан (Zhang, 2018) так же часто, как и экономическое. В конце 1990–2000-х гг. страны Запада провоцировали КНР, активно приглашая Далай-ламу XIV на встречи со своими национальными лидерами. КНР ответила на такие встречи скрытыми санкциями в форме ограничений экспорта этих стран в КНР (Fuchs & Klann, 2013). К 2010-м гг. эти санкции КНР достигли цели — частота официальных визитов Далай-ламы в зарубежные страны сократилась.

В 2008 г. глобальный экономический кризис обострил отношения между странами. Подавление Китаем беспорядков в Тибете привело к выступлениям в поддержку Тибета в Европе во время эстафеты олимпийского огня для летней Олимпиады в Пекине, когда протестующие препятствовали эстафете. Китай ответил потребительскими бойкотами европейских компаний. Также с 2008 г. участились инциденты у островов Сенкаку/Дяоюйдао с участием японских, китайских и тайваньских рыболовецких кораблей и катеров береговой охраны, спровоцировавшие обширные антияпонские протесты и потребительские бойкоты товаров японских компаний в КНР (Reilly, 2012c; Weiss, 2014).

С 2013 г. Си Цзиньпин перешел к более решительному использованию дипломатии принуждения для защиты национальных интересов Китая. После переизбрания Си Цзиньпина Генеральным секретарем Центрального комитета Коммунистической

партии Китая (ЦК КПК) на второй срок США начали рассматривать его режим как «авторитарный»¹⁸. Как следствие выросли масштаб и интенсивность санкций США и их союзников в отношении Китая, с одной стороны, и контрсанкций КНР — с другой.

В этот период аналитики западных «фабрик мысли» перешли от изображения Китая как «державы статуса-кво» к дискуссии о «новой напористости Китая», развернувшейся в 2013 г. (Johnston, 2003; 2013). Впоследствии их интерпретации нередко становились поводом для новых витков санкционного противостояния: так, отчет *ASPI* 2020 г.¹⁹, посвященный Синьцзян-Уйгурскому автономному району Китая (СУАР), спровоцировал очередной обмен санкциями между США и КНР. В свою очередь эксперты китайских «мозговых центров» пересмотрели многие легальные, моральные и идеологические преграды на пути использования Китаем односторонних санкций против агрессивных стран (подробнее см.: (Кривохиж, Соболева, 2017; Шарипов, Тимофеев, 2023)), придя к выводу, что «Китаю следует освободить свое мышление и полностью осознать важность использования инструмента односторонних санкций» (Reilly, 2012a, p. 122).

С 2016 г. санкционное противостояние обострилось в связи с эскалацией напряженности в Восточной Азии, вызванной победой на президентских выборах на Тайване Цай Инвэнь, развертыванием системы *THAAD* Республикой Корея в 2017 г., а также протестами против закона об экстрадиции в Гонконге в 2018 г.

Таким образом, торговая война между США и Китаем (Виноградов, Салицкий, Семенова, 2019) запустила нормативно-

правовое оформление СРК. В свою очередь на фоне COVID-19 участились случаи дискриминации китайцев в ряде стран, а правительство Австралии инициировало расследование причин распространения вируса. Это спровоцировало торговую войну между Китаем и Австралией и введение новых санкций со стороны КНР в отношении последней (Laurenceson, Zhou & Pantle, 2020). Арест финансового директора *Huawei* Мэн Ваньчжоу и отказ ряда стран от использования устройств компании для развития национальных 5G-инфраструктур также вынудили Пекин принять ответные меры, что превратило торговые войны в «войну чипов».

Нормативно-правовое оформление СРК и его механизмы

К основным нормативно-правовым механизмам СРК относятся «Закон о контроле экспорта» (октябрь 2020)²⁰, Постановление о «списке ненадежных субъектов» (сентябрь 2020) (далее — СНС)²¹, «Правила противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства и иным мерам» (далее — Блокирующие меры) (январь 2021)²², а также «Закон о противодействии иностранным санкциям» (июнь 2021)²³. Принятие данных документов выступало

²⁰ Export Control Law of the People's Republic of China // The National People's Congress of the People's Republic of China. October 17, 2020. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c2759/c23934/202112/t20211209_384804.html (accessed: 12.10.2023).

²¹ MOFCOM Order No. 4 of 2020 on Provisions on the Unreliable Entity List // Ministry of Commerce of the People's Republic of China. September 19, 2020. URL: https://english.mofcom.gov.cn/Policies/GeneralPolicies/art/2020/art_1889a24134054b5b841134c3fba44654.html (accessed: 12.10.2023).

²² MOFCOM Order No. 1 of 2021 on Rules on Counteracting Unjustified Extra-territorial Application of Foreign Legislation and Other Measures // Ministry of Commerce of the People's Republic of China. January 9, 2021. URL: https://english.mofcom.gov.cn/Policies/AnnouncementsOrders/art/2021/art_f47febb76da64411b8de1845aeba4af4.html (accessed: 12.10.2023).

²³ Anti-Foreign Sanctions Law // The National People's Congress of the People's Republic of China. June 1, 2021. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c2759/c23934/202106/t20210611_385113.html (accessed: 12.10.2023).

¹⁸ United States Strategic Approach to the People's Republic of China // The White House. May 2020. P. 5. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf> (accessed: 11.07.2025).

¹⁹ Xu V. X., Cave D., Leibold J., Munro K., Ruser N. Uyghurs for Sale: 'Re-Education,' Forced Labour and Surveillance Beyond Xinjiang // The Australian Strategic Policy Institute (ASPI). March 1, 2020. URL: <https://www.aspi.org.au/report/uyghurs-sale> (accessed: 11.07.2023).

в качестве зеркальной реакции на вводимые в отношении КНР санкции либо являлось заимствованием западных санкционных инструментов и механизмов (Webster, 2022).

«Закон о контроле экспорта» предполагает получение предприятиями — экспортерами лицензий на экспорт перечня товаров, технологий и услуг и дает правительству санкционный инструмент ограничения и аннулирования иностранных коммерческих сделок. «Закон о контроле экспорта» и механизм его действия весьма напоминает «Список контроля торговли» (Commerce Control List, CCL) Министерства торговли США²⁴.

В СНС будут включать иностранные компании, организации или физических лиц, которые либо «ставят под угрозу государственный суверенитет, безопасность и интересы развития Китая», либо «нарушают принципы рыночной торговли, культуру соблюдения договорных обязательств, принимают дискриминационные меры в отношении китайских компаний, организаций или физических лиц, серьезным образом подрывают их законные интересы»²⁵.

Субъект может попасть в СНС как по ходатайству китайской компании, так и по инициативе Министерства торговли КНР. Министерство может провести предварительное расследование или включить субъект в список без расследования и предупреждения. Однако основной механизм СНС — именно вынесение предупреждений и период ожидания, в течение которого иностранные субъекты могут исправить свое поведение, чтобы избежать попадания в список. Постановление о СНС предполагает возможность получения лицензий, с помощью которых китайские компании будут запрашивать товары у

иностраных компаний из списка, а также процедуру исключения из списка²⁶.

К субъектам, включенным в СНС, могут быть применены следующие санкционные инструменты: ограничение или запрет на торговлю с Китаем (импорт и/или экспорт), ограничение или запрет на инвестиции в Китае, ограничение или запрет на въезд в Китай сотрудников и транспортных средств, ограничение или аннулирование разрешения на работу и права проживания в Китае, а также штраф²⁷.

СНС и его инструменты являются китайским аналогом «Списка особо обозначенных граждан и заблокированных лиц» (*Specially Designated Nationals and Blocked Persons list, SDN*) Управления по контролю за иностранными активами Министерства финансов США²⁸, куда включены индивиды и организации, представляющие угрозу национальным или международным интересам США. На 2023 г. в СНС включены всего две американские компании, поставившие оружие Тайваню, — *Lockheed Martin* и *Raytheon Missiles & Defense*. Они, а также другие американские оружейные компании и компании двойного назначения не раз становились целью санкций КНР по той же причине в 2019, 2020 и 2022 гг. В 2010-х г. Китай лишь угрожал им санкциями.

Блокирующие меры направлены на нейтрализацию негативного воздействия иностранных санкций и предполагают судебное признание необоснованности экстерриториального применения иностранного санкционного законодательства, оценку ущерба интересам и правам Китая, китайских компаний, организаций и физических лиц. В случае судебного признания санкций необоснованными их действие отменяется, и правительство КНР выделяет компенсацию субъектам, пострадавшим от них²⁹.

²⁴ Interactive Commerce Control List // Bureau of Industry and Security, U.S. Department of Commerce. URL: <https://www.bis.gov/regulations/ear/interactive-commerce-control-list?isExpanded=&category=&keyword=> (accessed: 12.10.2023).

²⁵ MOFCOM Order No. 4 of 2020 on Provisions on the Unreliable Entity List // Ministry of Commerce of the People's Republic of China. September 19, 2020. Article 2. URL: https://english.mofcom.gov.cn/Policies/GeneralPolicies/art/2020/art_1889a24134054b5b841134c3fba44654.html (accessed: 12.10.2023).

²⁶ Ibid. Article 6, 9, 12, 13.

²⁷ Ibid.

²⁸ Specially Designated Nationals and Blocked Persons List (SDN List) // The Office of Foreign Assets Control of the US Department of the Treasury. URL: <https://sanctionssearch.ofac.treas.gov/> (accessed: 12.10.2023).

²⁹ MOFCOM Order No. 1 of 2021 on Rules on Counteracting Unjustified Extra-territorial Application of Foreign Legislation and Other Measures // Ministry of Commerce of the People's Republic of China.

Блокирующие меры заимствуют многие механизмы «Блокирующего статута ЕС» (1996 г.), направленного на защиту европейского бизнеса от экстерриториального применения санкций США в отношении третьих стран. В отличие от статута Евросоюза блокирующие меры предполагают больше контроля со стороны правительства Китая, а также возможность введения контрсанкций.

«Закон о противодействии иностранным санкциям» предоставляет официальный инструмент задействования зеркальных мер в ответ на иностранные санкции. Он был обоснован «острой необходимостью противостоять гегемонизму и силовой политике некоторых западных стран»³⁰. Закон о противодействии стал зеркальной реакцией на принятые в США «Закон о правах человека и демократии Гонконга» (ноябрь 2019) и «Закон о политике в области прав человека в отношении уйгуров» (июнь 2020), которые предполагали санкции (заморозку активов, запрет на въезд и ведение бизнеса в США для лиц и членов их семей) против китайских чиновников, которые, по мнению Вашингтона, несли ответственность за нарушения прав человека в указанных автономных регионах КНР³¹.

Результатом применения Закона о противодействии стали контрсанкции МИД КНР против 28 сотрудников администрации президента США Д. Трампа, которых КНР обвиняла в санкциях против государственных служащих КНР в связи с предполагаемыми нарушениями прав человека в Гонконге и СУАР, а также против 28 европейских субъектов, включая парламентариев, некоммерческие организации (НКО), «фабрики мысли», лидеров мнений за «ложь и дезинформацию»

January 9, 2021. URL: https://english.mofcom.gov.cn/Policies/AnnouncementsOrders/art/2021/art_f47febb76da64411b8de1845aeba4af4.html (accessed: 12.10.2023).

³⁰ Anti-Foreign Sanctions Law Necessary to Fight Hegemonism, Power Politics: Official // Xinhua. June 10, 2021. URL: <https://www.mps.gov.cn/n2255079/n6865805/n7355748/n7355818/c7929329/content.html> (accessed: 25.04.2025).

³¹ Public Law 116–76 — NOV. 27, 2019 // U.S. Congress. November 27, 2019. URL: <https://www.congress.gov/116/plaws/publ76/PLAW-116publ76.pdf> (accessed: 25.01.2025).

о нарушении прав человека в СУАР³². Против указанных 56 объектов санкций внешнеполитическое ведомство КНР использовало те же самые санкционные инструменты, что и США против китайских чиновников.

Реакцией США и американского бизнеса на нормативно-правовое оформление СРК стали закон (H.R. 6256) о запрете импорта товаров из СУАР (декабрь 2021), присоединение американских розничных сетей по продаже одежды к *Better Cotton Initiative (BCI)*³³, а также провокационный визит спикера Палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси на Тайвань (август 2022). КНР незамедлительно ответила на эти меры санкциями против 15 объектов: 6 организаций и 9 чиновников Тайваня³⁴, позднее список «сторонников независимости» Тайваня был расширен³⁵. В 2023 г. США, ЕС и Япония ввели ограничения на экспорт в Китай оборудования для производства чипов. В ответ КНР прекратила покупки микрочипов американской компании *Micron Technology*³⁶

³² Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on January 21, 2021 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. January 21, 2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xw/fyrbt/lxjzh/202405/t20240530_11346971.html (accessed: 25.01.2025).

³³ Better Cotton Initiative (BCI) — крупная экологическая некоммерческая организация, деятельность которой направлена на поддержание устойчивого развития в сфере производства хлопка. Основана в 2009 г. В 2020–2021 гг. входящие в нее сетевые магазины одежды бойкотировали использование хлопка, выращенного в СУАР.

³⁴ Lun Tian Y., Blanchard B. China Sanctions Seven Taiwanese 'Independence Diehard' Officials // Reuters. August 16, 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/china/china-sanctions-seven-taiwanese-officials-supporting-taiwan-independence-xinhua-2022-08-16/> (accessed: 25.04.2025).

³⁵ Update: China's Top Office on Taiwan Affairs Sanctions Diehard Separatist, Two Institutions Advocating 'Taiwan Independence' // Global Times. April 7, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202304/1288677.shtml> (accessed: 25.04.2025).

³⁶ Lingling W. Beijing Bans Micron as Supplier to Big Chinese Firms, Citing National Security // The Wall Street Journal. May 21, 2023. URL: <https://www.wsj.com/world/beijing-bans-micron-as-supplier-to-big-chinese-firms-citing-national-security-5f326b90> (accessed: 25.04.2025).

и ограничила экспорт редкоземельных металлов в Японию и США³⁷.

Методология исследования

Исследование опирается на БД, содержащую табличное описание 446 кейсов ответных ограничительных мер (санкций или их угроз), принятых Китаем за 1956–2023 г. в хронологическом порядке. Каждый кейс описан 10 переменными, включая:

- годы действия санкций;
- их инициатора в Китае;
- страну, на которую они направлены;
- тип объектов санкций (из 22) санкций внутри страны, в отношении которой введены санкции;
- тип целей (из 8), которые преследуют санкции;
- тип триггеров (из 7), которые провоцируют введение санкций;
- тип используемых санкционных инструментов (из 17);
- ранговые оценки эффективности санкций (для тех случаев, для которых это возможно);
- оценки экономического ущерба от них в млрд долл. США (для тех случаев, для которых это возможно).

В БД приведены гиперссылки и ссылки на источник информации (или цитаты с указанием источника), подтверждающие применение Китаем санкционных мер или угроз. Источники, на основе которых составлена БД, можно разделить на три группы:

- западные СМИ;
- базы данных западных «фабрик мысли» и научные работы о СРК;
- официальные сайты КНР.

Обращение к указанным источникам соответствует истории и предыстории оформления СРК и обосновано тем, что сбор информации о необъявленных санкциях КНР крайне трудоемок и невозможен без обраще-

ния к обобщающим исследованиям. Подтверждение случаев скрытых санкций КНР ссылками на зарубежные СМИ является общепринятой практикой в исследованиях, посвященных СРК. При этом заимствование кейсов санкций КНР из существующих баз данных не было просто копированием. Подлинность каждого кейса проверялась, дополнялась новой информацией и статистическими сведениями в соответствии с переменными и структурой БД. Производилась оценка ущерба и успешности санкций. Сведения об официальных санкциях извлекались из публикаций на официальных сайтах МИД и Министерства торговли КНР, а также информационного агентства Синьхуа.

Общие принципы оценки успешности санкций, заложенные в БД, состоят в следующем.

Успешными считались те санкции, которые приводили к желаемому изменению поведения непосредственного объекта, не требовали повторного введения ограничений с той же целью, а также служили уроком для других однотипных объектов в данной стране и/или отрасли. Иными словами, успешные санкции снимали необходимость в повторном использовании аналогичных санкционных инструментов против подобных же целей в стране и отрасли. Также в качестве успешных признаются санкции, которые приводили к публичному признанию оппонентом «красных линий» в отношениях с КНР, извинениям либо упреждающему отказу от нежелательных для Китая действий или высказываний. Оценки эффективности представляют собой ранги, сопоставимые для однотипных санкционных инструментов и несопоставимые для разнородных в силу наличия для них различного количества факторов ранжирования успеха санкций. Например, количество факторов ранжирования эффективности санкций за визиты Далай Ламы превышало количество факторов ранжирования эффективности потребительских бойкотов товаров иностранных компаний, поэтому диапазон шкалы для первых был больше, чем для вторых: максимальный ранг 15 и 4 соответственно. Целесообразнее работать с оценками эффективности одних и других санкционных

³⁷ Liu S., Patton D. China Bans Export of Rare Earths Processing Tech Over National Security // Reuters. December 22, 2023. URL: <https://www.reuters.com/markets/commodities/china-bans-export-rare-earth-processing-technologies-2023-12-21/> (accessed: 25.04.2025).

инструментов по отдельности, а после сводить выводы по инструментам. Например, и те и другие инструменты эффективнее против небольших, менее важных в торговом отношении стран или компаний из таких стран.

Паттерны СРК: консенсус и дискуссия

Триггеры

«Китай использует односторонние санкции в ответ на специфические события-триггеры»³⁸. Триггером служит грубое нарушение ключевых национальных интересов, среди которых государственный суверенитет, национальная безопасность, территориальная целостность и национальное воссоединение, политическая система Китая, установленная Конституцией, и общая социальная стабильность, а также основные гарантии обеспечения устойчивого экономического и социального развития (Zeng, Xiao & Breslin, 2015). Пекин открыто провозглашает свои национальные интересы и отстаивает их в том числе при помощи угроз и/или санкций³⁹. При этом оппоненты Китая используют именно эти вопросы для того, чтобы вызвать некие ответные действия со стороны КНР.

Со временем список триггеров расширяется. К традиционным триггерам относятся принцип одного Китая в отношении Тайваня, Гонконга, Тибета, права человека в Гонконге, СУАР и производные от них тайваньский, тибетский, уйгурский и гонконгский вопросы; территориальные споры⁴⁰; военное

присутствие США и поставки оружия в Восточную Азию. К новым триггерам можно отнести дискриминацию китайцев и китайской культуры за рубежом, в том числе в связи с COVID-19; иностранные ограничения против *Huawei*; торговые войны Китая с США и Австралией, а также политические разногласия⁴¹. Пока по количеству спровоцированных санкций традиционные триггеры преобладают над новыми (рис. 1, 2).

Мотивация

Помимо защиты национальных интересов КНР использует односторонние санкции, преследуя внутренние и внешние цели⁴². Внешние цели можно разделить на *принуждение* (наказание за переход «красных линий» в двусторонних отношениях; принудительное исправление поведения) и *перформанс* (обозначение «красных линий»; демонстративное наказание одних, чтобы отпугнуть от нежелательных действий других). Исследователи расходятся в том, какие из этих целей санкций важнее для Китая, однако все чаще склоняются к большей важности и высокой успешности перформативных внешних целей.

море и на границе с Индией. Санкции, т.е. экономическое, а не военное принуждение (инциденты), стали активно использоваться для решения части из них — споров в Южно- и Восточно-Китайском морях — в определенный период, после 2007 г.

⁴¹ В «политические разногласия» как категорию триггеров контрсанкций в данном исследовании включены контрсанкции, вызванные действиями оппонентов, которые не представляли угрозы территориальной целостности или экономическим интересам КНР. Как правило, контрсанкции, введенные в результате действия таких триггеров, были ответом на попытку оказать влияние на внутреннюю политику КНР, реже — недовольством Пекина политическими решениями соседних стран региона и важных торговых партнеров, задевающими ключевые национальные интересы. Чаще всего целью введения контрсанкций, спровоцированных триггерами такого типа, было поддержание национальной безопасности.

⁴² Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. *China's Use of Coercive Economic Measures* // Center for New American Security (CNAS). June 11, 2018. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/chinas-use-of-coercive-economic-measures> (accessed: 11.07.2023).

³⁸ Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. *China's Use of Coercive Economic Measures* // Center for New American Security (CNAS). June 11, 2018. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/chinas-use-of-coercive-economic-measures> (accessed: 11.07.2023).

³⁹ Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. *Fasten Your Seatbelts: How to Manage China's Economic Coercion* // Mercator Institute for China Studies (MERICS). August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023).

⁴⁰ С 1956 по 2023 г. КНР была вовлечена в целый ряд территориальных споров. В зависимости от региона спора К. Чжан (Zhang, 2018) предлагает разделять их на три большие группы: территориальные конфликты в Южно-Китайском море, Восточно-Китайском

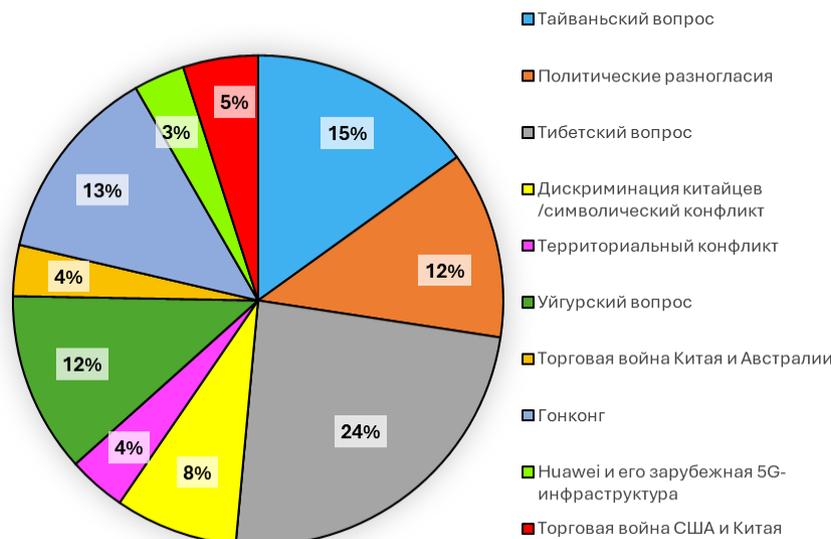

Рис. 1. Доли триггеров санкций КНР, 1956–2023 гг.
 Источник: расчет и построение диаграммы — Д.Ю. Карасев.

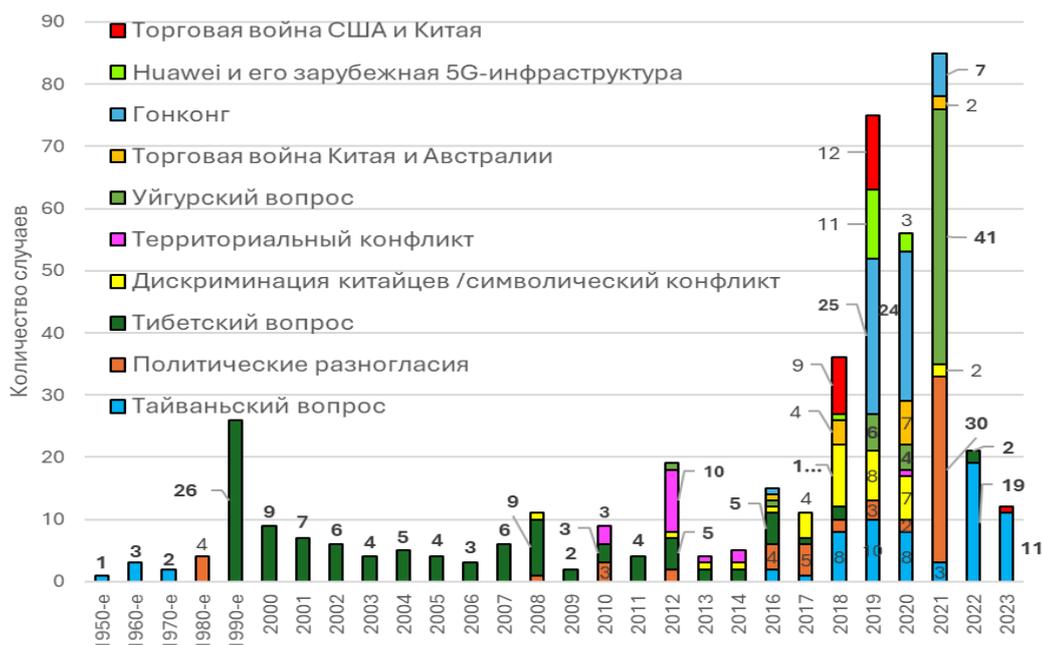

Рис. 2. Динамика триггеров санкций КНР, 1950-е — 2023 гг.
 Источник: расчет и построение диаграммы — Д.Ю. Карасев.

По мнению Дж. Рейлли, Китай заинтересован не в максимизации ущерба для объекта санкций, а в декларировании своих национальных интересов в качестве «красных линий», исправлении поведения нарушителей, а также предупреждении других от повторения тех же ошибок (Reilly, 2012a).

К внутренним целям, важность которых подчеркивают все чаще, относятся:

– протекционизм (защита национальных компаний от внешней конкуренции, в

том числе при помощи потребительских бойкотов, бюрократических блокад на таможне и избирательных закупок)⁴³;

⁴³ См.: Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. China's Use of Coercive Economic Measures // Center for New American Security (CNAS). June 11, 2018. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/chinas-use-of-coercive-economic-measures> (accessed: 11.07.2023); Bohman V., Pårup H. Purchasing with the Party: Chinese Consumer Boycotts of Foreign Companies, 2008–2021 // Swedish National China Center Report. 2022. No. 2.

– *национализм* (включая онлайн-«национализм») в ходе потребительских бойкотов, публичную защиту «оскорбленных чувств китайского народа», создание образа внешнего врага через критику империализма Запада, пропаганду выражения любви к родной культуре через потребительское поведение — 国潮 (Guó cháo, «мода на национальное»)⁴⁴;

– «*выпускание пара*» (публичное накладывание санкций для перенаправления народного гнева от внутренних проблем на страну-объект, которая грубо нарушает важные ценности китайского народа; использование народного гнева как рычага дипломатического влияния) (Schär, 2020).

Страна-мишень и непосредственный объект санкций внутри нее

Китай очень расчетлив в выборе объекта санкций, предпочитая уязвимые товары, отрасли или компании, которые являются «символическими»⁴⁵, поскольку тесно ассоциируются со страной своего происхождения (норвежский лосось, филиппинские бананы, австралийское вино, корейская поп-индустрия и химический гигант *Lotte*, крупнейшие автомобильные концерны стран ЕС), а не непосредственно того актора, чье поведение нуждается в исправлении в случае, если он менее уязвим к принуждению. Оказывая давление на более уязвимых граждан и/или компании страны-мишени, Пекин рассчитывает, что они окажут политическое давление на их правительство, политику которого нужно исправить (Lim & Ferguson, 2022).

URL: <https://kinacentrum.se/wp-content/uploads/2022/07/purchasing-with-the-party-chinese-consumer-boycotts-of-foreign-companies-20082021-3.pdf> (accessed: 11.07.2023). См. также: (Lim & Ferguson, 2022).

⁴⁴ Bohman V., Pärup H. Purchasing with the Party: Chinese Consumer Boycotts of Foreign Companies, 2008–2021 // Swedish National China Center Report. 2022. No. 2. URL: <https://kinacentrum.se/wp-content/uploads/2022/07/purchasing-with-the-party-chinese-consumer-boycotts-of-foreign-companies-20082021-3.pdf> (accessed: 11.07.2023). См. также: (Reilly, 2012c; Schär, 2020).

⁴⁵ Szczepański M. China's Economic Coercion: Evolution, Characteristics and Countermeasures // European Parliamentary Research Service (EPRS). November 1, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI\(2022\)738_219_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738_219_EN.pdf) (accessed: 11.07.2023).

Основной источник санкционного могущества Китая — его роль в мировой торговле и обширный внутренний рынок, поэтому для санкций наиболее уязвимы те отрасли, компании и товары, которым трудно найти замену китайскому рынку: сырье, продовольствие, потребительские товары, китайский выездной туризм, — а также те, у которых есть китайские субституты (Lim & Ferguson, 2022). Также уязвимы те иностранные компании и отрасли, которые обладают малой ценностью для стратегических целей Китая, например иностранные финансы и медиа (табл. 1). И наоборот, Китай избегает принуждения в тех сферах и против тех компаний и стран, которые важны для его стратегических целей, производственных цепочек, трансфера технологий. Исследователи отмечают, что технологические компании редко становились целями санкций КНР⁴⁶. Однако это верно лишь наполовину и характеризовало ситуацию до превращения торговой войны между США и Китаем в «войну чипов».

Количество санкций КНР, отраженное в табл. 1, не всегда пропорционально суммарному стоимостному экономическому ущербу, нанесенному ими соответствующим объектам. Оценка ущерба от санкций КНР возможна не для всех объектов. Если совместить количество санкций и их ущерб, то больше прочих предсказуемо пострадал неспециализированный экспорт различных стран в КНР, затем идут экспорт продуктов сельского хозяйства и сырья, на которых значительно отразились торговые войны США и Китая, Китая и Австралии, а также санкции против Канады. От потребительских бойкотов наибольшие убытки понесли розничные сетевые продавцы одежды (фаст-фэшн, спортивные и дизайнерские бренды) из Европы и США.

⁴⁶ См.: Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China's Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS). August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023); Szczepański M. China's Economic Coercion: Evolution, Characteristics and Countermeasures // European Parliamentary Research Service (EPRS). November 1, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI\(2022\)738_219_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738_219_EN.pdf) (accessed: 11.07.2023). См. также: (Reilly, 2012a; Lim & Ferguson, 2022).

Таблица 1. Количество санкций КНР против различных отраслей, компаний, товарных групп

Отрасли/компании — объекты санкций	Количество санкций КНР
Неспециализированный экспорт в Китай	96
Розничные сети одежды	29
Продукты сельского хозяйства	23
Автомобиле- и самолетостроение	18
Сети быстрого питания	16
Технологические компании	15
Китайский выездной туризм	14
Сырье	10
Оружейные компании	9
Косметические компании	8
Товары для дома	5
Китайские инвестиции	4
Доставка и электронная коммерция	4
Банки и финансы	3
Медиа	2
Индустрия досуга и гостеприимства	2

Источник: рассчитано Д.Ю. Карасевым.

Объекты из США, включая 59 официальных лиц, вышли на первое место по числу введенных Китаем контрсанкций лишь после 2018 г. (рис. 3). В остальном наиболее частой целью ответных мер была гегемония США. Объекты из ЕС (в первую очередь Великобритании, Германии, Франции, Швеции) совокупно подвергались санкциям со стороны КНР почти так же часто, как объекты из США (табл. 2, рис. 4). Затем следуют страны Восточной и Юго-Восточной Азии (Тайвань, Япония, Южная Корея), а также Австралия и Новая Зеландия. Страны Южной Америки, Ближнего Востока и Африки редко становились объектом санкций КНР. Индия была объектом санкций так же часто, как средне-статистическая европейская страна, исключая Великобританию и Германию.

Санкционные инструменты

Отчетливая дифференциация санкционных инструментов в зависимости от объекта и мотивации Пекина появляется только после 2008 г. (рис. 5–7).

Правительства, как правило, принуждались через политическое давление, угрозы и ограничения экспорта в Китай, НПО, неком-

мерческие организации (НКО), исследователи и лидеры мнений — через визовые ограничения, приостановку сотрудничества или запрет на бизнес в Китае, компании — через потребительские бойкоты, бюрократические блокады на таможне, избирательные закупки (см. рис. 7). Санкционное законодательство КНР изменило правила игры: после 2019 г. вместо правительств меры принуждения, такие как визовые ограничения, запрет на ведение бизнеса в Китае и заморозка активов, применяются в отношении отдельных официальных лиц. Это тренд на превращение санкций КНР в «умные санкции».

Таблица 2. Количество санкций КНР против различных стран

Страна	Кол-во санкций КНР
США	161
Тайвань (КНР)	27
Австралия	23
Великобритания	23
Япония	19
Германия	18
Франция	17
Канада	13
Швеция	11
Республика Корея	9
Индия	8
Норвегия	8
Чехия	7
Италия	7
Дания	6
Новая Зеландия	6

Источник: рассчитано Д.Ю. Карасевым.

Невозможно согласиться с западными исследователями СРК⁴⁷ в том, что угрозы санкций одинаково часто использовались против разных объектов: компаний и правительств.

⁴⁷ См.: Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China's Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS). August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023); Szczeпаński M. China's Economic Coercion: Evolution, Characteristics and Countermeasures // European Parliamentary Research Service (EPRS). November 1, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI\(2022\)738219_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738219_EN.pdf) (accessed: 11.07.2023).

Рис. 3. Динамика объектов санкций КНР по регионам, 1950–2023 гг.
 Источник: расчет и построение диаграммы — Д.Ю. Карасев.

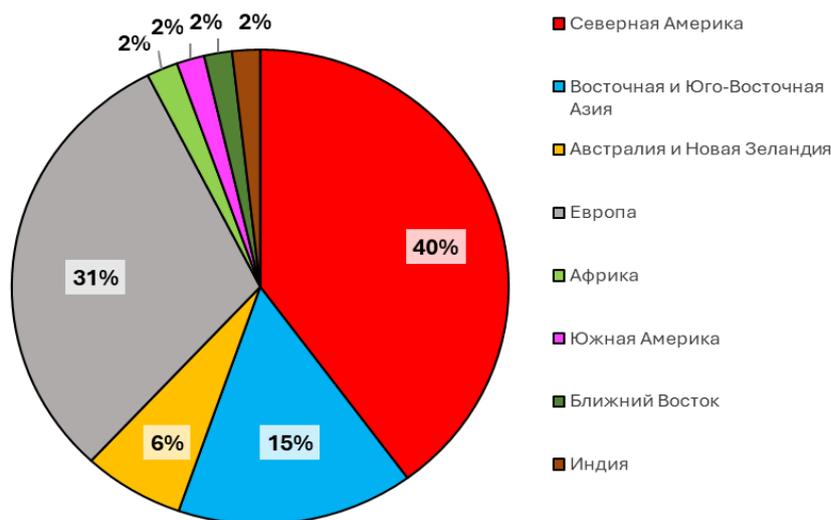

Рис. 4. Доли объектов санкций КНР по регионам мира
 Источник: расчет и построение диаграммы — Д.Ю. Карасев.

Как видно на диаграмме рис. 7, угрозы гораздо чаще адресованы правительствам, а не компаниям, поскольку подрывают доверие к бизнесу. Вопреки расхожим представлениям угрозы также не являются излюбленным инструментом Пекина. Хотя они высоко перформативны, низкзатратны и иногда вполне эффективны, не подкрепленные реальными санкциями они со временем теряют свою действенность.

Карающая и перформативная мотивация санкций обуславливают противоречия при выборе предпочитаемых санкционных инструментов. Исследователи отмечают, что КНР

предпочитает скрытые, неформальные инструменты, поскольку они наносят значительный ущерб объекту, минимизируют сопутствующие издержки для КНР, их легко отменять и отрицать⁴⁸. Однако скрытость минимизирует перформативное воздействие принуждения.

⁴⁸ Szczeпаński M. China's Economic Coercion: Evolution, Characteristics and Countermeasures // European Parliamentary Research Service (EPRS). November 1, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI\(2022\)738219_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/738219/EPRS_BRI(2022)738219_EN.pdf) (accessed: 11.07.2023). См. также: (Lim & Ferguson, 2022).

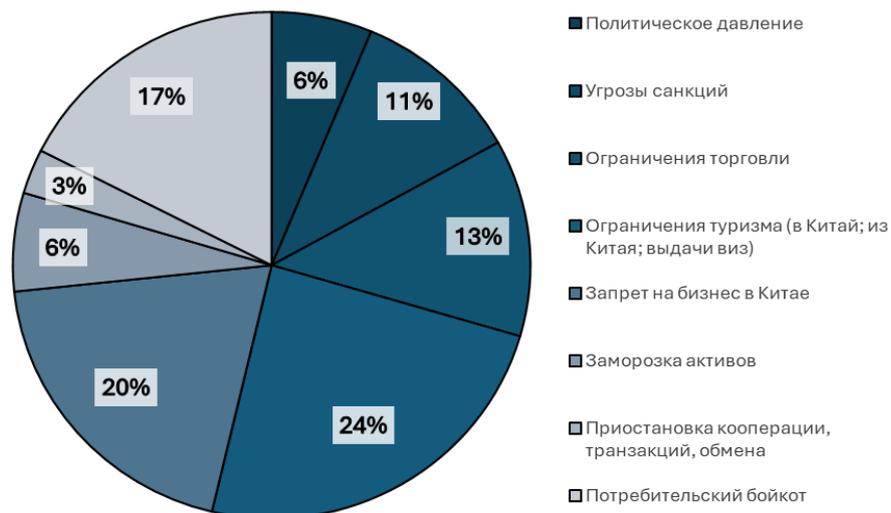

Рис. 5. Доли санкционных инструментов КНР, 2008–2023 гг.
 Источник: расчет и построение диаграммы — Д.Ю. Карасев.

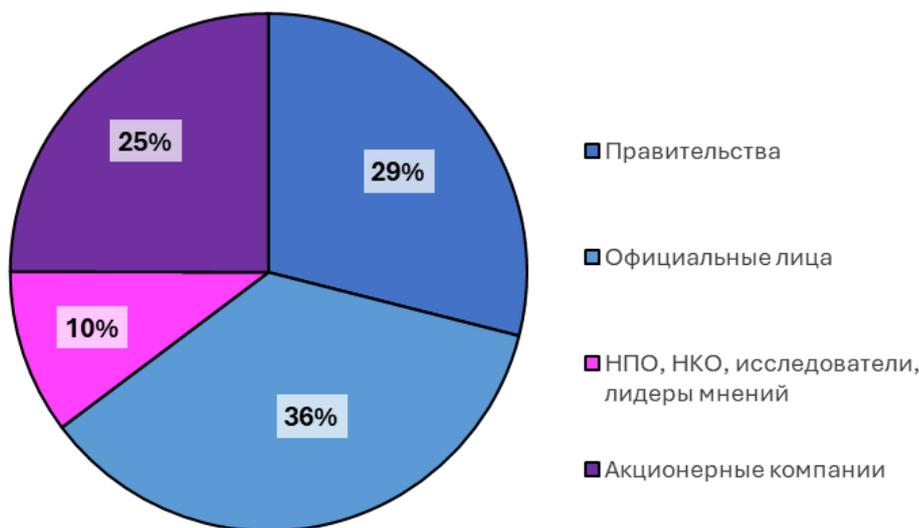

Рис. 6. Доли типов объектов санкций КНР, 2008–2023 гг.
 Источник: расчет и построение диаграммы — Д.Ю. Карасев.

Санкционные инструменты, используемые КНР после юридического оформления СРК, напротив, максимально перформативны (широко транслируемые в медиа официальные заявления представителей МИД КНР, фиксация на официальных сайтах и в списках), однако не могут нанести значимого экономического ущерба, хотя и предполагают запрет на въезд, ведение бизнеса и заморозку активов в КНР. Вероятнее всего, у 28 сотрудников администрации Д. Трампа, 28 европейских парламентариев и двух американских

оружейных компаний, включенных в СНС, нет активов, бизнеса или намерений посещать КНР, однако они уязвимы для репутационных рисков.

Таким образом, в рамках СРК сложилось своего рода «разделение труда» между скрытыми санкционными инструментами, наиболее болезненными и подбираемыми под уязвимый объект, с одной стороны, и формализованными, максимально перформативными, наносящими репутационный, но не материальный ущерб инструментами — с другой.

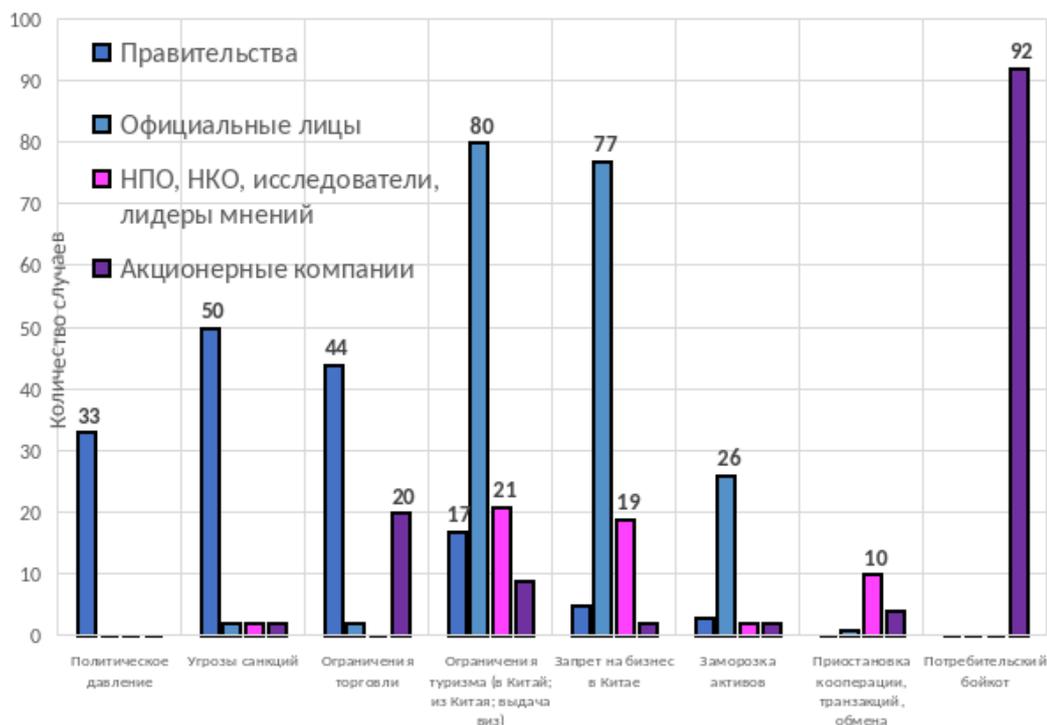

Рис. 7. Соответствие санкционных инструментов типам объектов санкций КНР, 2008–2023 гг.

Источник: расчет и построение диаграммы — Д.Ю. Карасев.

Весьма вероятно, что формальные инструменты СРК не заменяют собой неформальные, а дополняют их (Xing & Li, 2023). Кроме того, типичная последовательность использования санкционных инструментов Китаем такая же, как у остальных стран, и вряд ли изменится, несмотря на правовое оформление СРК: угроза санкций — менее болезненные для объекта санкции — повторная угроза санкций — более болезненные санкции (эта последовательность может несколько раз повториться в рамках санкционного противостояния), после чего санкции накладываются и на другие объекты в рамках той же страны. В итоге за серией перформативных санкций может последовать военное принуждение, если все прочие инструменты дипломатии принуждения исчерпаны.

Эффективность

Оценка эффективности санкций — один из основных и наиболее спорных вопросов в исследованиях по санкциям, и санкции КНР не являются исключением. Оценку

эффективности санкций в случае КНР осложняет следующее:

1) у Китая нет собственных эксплицитных критериев успеха санкций⁴⁹. Эффективность зависит от мотивации в каждом конкретном случае;

2) оценка эффективности отдельных санкционных инструментов затруднена, поскольку они часто используются совместно или последовательно;

3) эффективность перформативного воздействия санкций и угроз на третьи страны часто недооценивается⁵⁰;

⁴⁹ См.: Kuno A. China's Economic Sanctions: Its Features and Effectiveness // The Japan Forum on International Relations (JFIR). April 1, 2021. URL: <https://www.jfir.or.jp/en/wp-content/uploads/sites/2/2021/04/210420ka-en.pdf> (accessed: 11.07.2023); Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. China's Use of Coercive Economic Measures // Center for New American Security (CNAS). June 11, 2018. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/chinas-use-of-coercive-economic-measures> (accessed: 11.07.2023).

⁵⁰ Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China's Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS).

4) значительный материальный ущерб для объекта санкций не гарантирует желаемого изменения поведения;

5) наконец, используя санкции, Китай обучается. Последующие санкции, как правило, успешнее предыдущих, однако в среднем их эффективность невелика.

Б. Гласер⁵¹ полагает, что Китай успешнее в предупреждении стран от нежелательных заявлений или действий, чем в изменении уже принятой политики. По мнению Дж. Рейлли (Reilly, 2012a), заниженные оценки эффективности санкций КНР со стороны американских исследователей подтолкнули Пекин к нормативно-правовому оформлению СРК и нарочитому перформансу. Исследователи MERICS⁵² считают кейсами успешных санкций КНР многочисленные санкции КНР в отношении Норвегии после вручения в 2010 г. Нобелевской премии Лю Сяобо вплоть до 2017 г., санкционное давление на Монголию (путем ограничения китайских инвестиций и бюрократической блокады монгольской продукции на таможне в 2016 г. в ответ на визит Далай-ламы), Филиппины (в форме запрета на импорт филиппинских бананов в 2012 г.) и даже Южную Корею (путем многочисленных санкций за развертывание *THAAD*). Описанные выше принципы оценки успешности санкций КНР, заложенные в БД, позволяют согласиться с MERICS лишь относительно Филиппин и Монголии. Как представляется, перформативное

воздействие санкций КНР на третьи страны можно считать успешным там, где упреждающий отказ от действий или высказываний замечает и поощряет сам Пекин.

Заключение

Под СРК понимается весь репертуар ограничительных мер, используемых Пекином в ответ на односторонние санкции оппонентов, а также особенности их использования, отличающие СРК от санкционного режима США или ЕС. СРК сформировался к 2010-м гг., что наглядно видно, во-первых, по дифференциации санкционных инструментов в зависимости от мотивации и объекта, а также росту количества и многообразия тех и других, во-вторых, по росту числа исследований, посвященных СРК, и в-третьих, по риторике официального Пекина.

До 2019 г. СРК существовал в виде неформальных санкционных мер. Затем началось его нормативно-правовое оформление (основные нормативно-правовые механизмы СРК, описанные выше, обсуждались и принимались долго). По всей видимости, формальные инструменты СРК не заменят собой неформальные, а дополняют их. Скрытые меры предназначены для нанесения экономического ущерба уязвимым объектам с возможностью отрицания, а формализованные — нацелены на репутационные издержки и перформанс. Формализация СРК обозначила тренд на минимизацию сопутствующего ущерба населению от санкций. Санкции КНР становятся «умными», то есть точно нацеленными на отдельных официальных лиц, поведение которых необходимо исправить, или связанный с ними бизнес.

Основным объектом санкций КНР была гегемония США, проецируемая на такие регионы, как Европа, Восточная и Юго-Восточная Азия, а также Австралию и Новую Зеландию. Объекты в США заняли первое место по числу санкций КНР лишь после 2018 г., поскольку до 2010-х г. КНР избегала использования неформальных санкций против США, опасаясь потерять выгоды от краха «международного порядка, основанного на

August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023).

⁵¹ Statement before the Congressional-Executive Commission on China “How China Uses Economic Coercion to Silence Critics and Achieve its Political Aims Globally:” A Testimony by: Bonnie S. Glaser, Director, Asia Program, German Marshall Fund of the United States // German Marshall Fund of the United States. December 7, 2021. URL: <https://www.gmfus.org/sites/default/files/2021-12/CECC%20Economic%20coercion%20testimony%2C%209-7-21.pdf> (accessed: 11.07.2023).

⁵² Adachi A., Brown A., Zenglein M. J. Fasten Your Seatbelts: How to Manage China’s Economic Coercion // Mercator Institute for China Studies (MERICS). August 25, 2022. URL: <https://merics.org/en/report/fasten-your-seatbelts-how-manage-chinas-economic-coercion> (accessed: 11.07.2023).

правилах». Представляется, что Пекин и США больше заинтересованы в ослаблении КНР, чем в сохранении «международного порядка, основанного на правилах» в неизменном виде.

Поступила в редакцию / Received: 08.08.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 23.09.2024
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Бакулина П. В., Кузьмина К. А.* Политика экономических санкций КНР: правовое регулирование и правоприменительная практика // *Финансовый журнал*. 2021. Т. 13, № 4. С. 24–38. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-24-38>; EDN: GXVVDZ
- Виноградов А. В., Трощинский П. В.* Заключительная сессия ВСНП 13-го созыва и некоторые итоги государственного строительства за 10 лет // *Проблемы Дальнего Востока*. 2022. № 4. С. 7–21. <https://doi.org/10.31857/S013128120021696-6>; EDN: TRVYJU
- Виноградов А. О., Салицкий А. И., Семенова Н. К.* Америко-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19, № 1. С. 35–46. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46>; EDN: ZBFCZN
- Кашин В. Б., Пятачкова А. С., Крашенинникова Л. С.* Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // *Сравнительная политика*. 2020. Т. 11, № 2. С. 123–138. EDN: DXBKYE
- Киреева А. А.* Японо-китайский спор: Сэнкаку или Дяоюйдао? // *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 11. С. 18–26. EDN: RQDDKP
- Кривохиж С. В., Соболева Е. Д.* Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61, № 11. С. 76–84. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-76-84>; EDN: ZTLYCX
- Сафронова Е. И.* Китайская экономическая дипломатия до и во время пандемии COVID-19 // *Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2021. Т. 13, № 3. С. 151–189. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-3-151-189>; EDN: PBDFDD
- Шарипов Ф. Ф., Тимофеев О. А.* Обострение китайско-американской конкуренции по проблеме миропорядка: эволюция взглядов китайских ученых // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 26–40. <https://doi.org/10.31857/S013128120025383-2>; EDN: BBFDWU
- Fuchs A., Klann N.-H.* Paying a Visit: The Dalai Lama Effect on International Trade // *Journal of International Economics*. 2013. Vol. 91, iss. 1. P. 164–177. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2013.04.007>
- Glosny M. A.* Grand Strategies of Rising Powers: Reassurance, Coercion, and Balancing Responses [PhD dissertation]. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2012. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/72850> (accessed: 11.07.2023).
- Johnston A. I.* Is China a Status Quo Power? // *International Security*. 2003. Vol. 27, iss. 4. P. 5–56. <https://doi.org/10.1162/016228803321951081>
- Johnston A. I.* How New and Assertive Is China's New Assertiveness? // *International Security*. 2013. Vol. 37, iss. 4. P. 7–48. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00115
- Lai Ch.* More Than Carrots and Sticks: Economic Statecraft and Coercion in China — Taiwan Relations from 2000 to 2019 // *Politics*. 2022. Vol. 42, no. 3. P. 410–425. <https://doi.org/10.1177/0263395720962654>; EDN: SEZLKF
- Laurenceson J., Zhou M., Pantle T.* Interrogating Chinese Economic Coercion: The Australian Experience since 2017 // *Security Challenges*. 2020. Vol. 16, no. 4. P. 3–23. URL: <https://www.jstor.org/stable/26976255> (accessed: 10.10.2024).
- Lim D. J., Ferguson V. A.* Informal Economic Sanctions: The Political Economy of Chinese Coercion During the THAAD Dispute // *Review of International Political Economy*. 2022. Vol. 29, iss. 5. P. 1525–1548. <https://doi.org/10.1080/09692290.2021.1918746>; EDN: IAVNOV

- Lim D. J., Ferguson V. A., Bishop R.* Chinese Outbound Tourism as an Instrument of Economic Statecraft // *Journal of Contemporary China*. 2020. Vol. 29, iss. 126. P. 916–933. <https://doi.org/10.1080/10670564.2020.1744390>; EDN: ORILTE
- Reilly J.* China's Unilateral Sanctions // *The Washington Quarterly*. 2012a. Vol. 35, no. 4. P. 121–133. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2012.726428>
- Reilly J.* Counting on China? Australia's Strategic Response to Economic Interdependence // *The Chinese Journal of International Politics*. 2012b. Vol. 5, no. 4. P. 369–394. <https://doi.org/10.1093/cjip/pos016>
- Reilly J.* Strong Society, Smart State : The Rise of Public Opinion in China's Japan Policy. New York : Columbia University Press, 2012c. <https://doi.org/10.7312/columbia/9780231158060.001.0001>
- Schär T.* The Political Role of Chinese Consumer Boycotts for Beijing // *Mapping China Journal*. 2020. No. 4. P. 118–127. URL: <https://mappingchina.org/wp-content/uploads/2020/12/MCJ-2020-No.-7-Schar.pdf> (accessed: 10.10.2024).
- Webster T.* Retooling Sanctions: China's Challenge to the Liberal International Order // *Chicago Journal of International Law*. 2022. Vol. 23, no. 1. P. 178–194. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cjil/vol23/iss1/12> (accessed: 10.10.2024).
- Weiss J. C.* Powerful Patriots : Nationalist Protest in China's Foreign Relations. New York : Oxford University Press, 2014. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199387557.001.0001>
- Xing J., Li M.* Moving to Formality and Openness? An Analysis of China's New Two-Tiered Sanctions Policy // *China Review*. 2023. Vol. 23, no. 1. P. 377–406. URL: <https://www.jstor.org/stable/48717999> (accessed: 10.10.2024).
- Xu G.* China's National Representation and the Two-China Question in the Olympic Movement // *China Perspectives*. 2008. No. 1. P. 19–28. <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.3253>
- Zeng J., Xiao Y., Breslin S.* Securing China's Core Interests: The State of the Debate in China // *International Affairs*. 2015. Vol. 91, iss. 2. P. 245–266. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12233>
- Zhang K.* Calculating Bully: Explaining Chinese Coercion [PhD dissertation]. Cambridge : Massachusetts Institute of Technology, 2018. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/122472> (accessed: 11.07.2023).

Сведения об авторе:

Карасев Дмитрий Юрьевич — кандидат социологических наук, (экс-)научный сотрудник Центра экспертизы санкционной политики Институт международных исследований, МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76; eLibrary SPIN-код: 4079-8489; ORCID: 0000-0003-0682-3174; e-mail: dk89@mail.ru